

— Есть что-нибудь от капитана Эванса? — спросил Каллан. Он и Джарод приехали из соседних городов, поэтому во время тренировок они собрались вместе. Ни один из них не был благородным по происхождению, поэтому им часто приходилось ссориться с детьми знати, стремившимися вернуть двух простолюдинов на их место. В конце концов они показали себя достойными. Джарод завоевал расположение короля и стал одним из самых знаменитых рыцарей королевства. Каллан не поднялся так высоко, но его положение капитана приграничного форта было намного лучше, чем в противном случае была бы его жизнь третьего сына фермера.

Солдат, которому было поручено наблюдать за землями на востоке, покачал головой. — Никаких сигналов не было, капитан.

"Я понимаю." Брови Каллан нахмурились. Джарод уже должен был вернуться со своими людьми, и он должен был послать луч света в качестве сигнала.

«Им предстоит многое сделать», — сказал солдат. «Возможно, это просто занимает у них больше времени, чем ожидалось».

«Да». Каллан кивнул больше себе, чем другому мужчине. «Должно быть, это оно».

Ему не понравился план нападения на деревни на территории дракона. Дракон шевелится только раз в столетие, так что у них должно быть еще двадцать пять лет, прежде чем зверь проснется. Предположительно, у короля был план, как справиться со зверем, если он вдруг проявит себя, но Каллан не так быстро отвергал слухи о его размерах, как другие. Дракон длиной в милю? Это звучало как безумие, однако истории на протяжении веков были невероятно последовательны в этом вопросе. Вполне возможно, что все их предки были дураками и отдавали силе рептилии больше уважения, чем она того заслуживала, но он сомневался, что все они были слепы.

На них упала тень. Каллан и солдат оба подняли глаза, и у капитана пересохло во рту. В серебряном свете луны сиял дракон, словно облако рубинов и сапфиров. Обычно на заставе кипела деятельность, даже в такое время ночи. Теперь ни один человек или животное не осмеливалось пошевелиться или издать звук. Виверны, которых разведчики использовали для патрулирования суровой, пересеченной местности на севере и юге, прижали головы к земле и сложили крылья в знак почтения.

Каллан уже ездил в бой на виверне. Он даже издалека увидел дракона. Его виверна тогда еще не преклонила колени. Он жаждал битвы, стремился доказать, что заслуживает своего места в небе. Не в этот раз. Столкнувшись с драконом длиной в милю, виверны могли только выразить почтение и надеяться, что дракон не сочтет нужным уничтожить их за то, что они имели смелость летать в его небе.

«Капитан...» Солдат тяжело сглотнул. «Должны ли мы отправить наездников на вивернах, лучников и магов?»

Каллан уставился на него. «Ты сошел с ума? Что они вообще сделают против зверя такого размера? И посмотри на виверн. Как ты думаешь, хоть один из них осмелится взлететь, когда эта штука все еще находится в воздухе?» Его кулаки сжались. Если дракон пересек границу, то Джарод, вероятно, уже был мертв вместе со всеми своими войсками. «Отправьте сообщение в столицу с помощью коммуникационного кристалла. Мы должны их предупредить».

Кристалл связи был одним из сокровищ аванпоста. У него было достаточно места, чтобы добраться до самой столицы, хотя используемая магия была слишком хрупкой, чтобы кристалл можно было вынести за пределы аванпоста. Вместо этого его нужно было хранить в специальной комнате, где опытные маги и ремесленники проводили большую часть своего времени, следя за тем, чтобы он находился в оптимальном состоянии.

Если бы Думвинг знал об этом, он бы рассмеялся. Представьте себе, что вы потратили столько времени на кристалл, в котором использовалось заклинание пятого порядка. Как это смешно! Капитаны Шестой Эпохи носили с собой подвески с гораздо большей дальностью действия и гораздо большей надежностью. Элерион даже получил письмо от своей дочери, которое позволило ей поговорить с ним, даже когда он был на другом конце континента.

Крылу Рока хотелось сжечь дотла каждый аванпост вдоль границы. Но если он собирался короновать себя императором, то эти аванпосты вскоре станут его. Не было никакой причины сжигать их, если только люди в них не были настолько глупы, чтобы сражаться с ним. До сих пор все они производили лучшее впечатление на кротов, прячась в своих домиках и надеясь, что он их не заметит. Он также столкнулся с патрулем наездников на вивернах. Три из четырех виверн поступили разумно и немедленно упали на землю, поклонившись ему, как подобает зверям. Его всегда забавляли виверны, сочетающие черты рептилий и птиц. Однако, в отличие от селезней, виверны знали свое место в пищевой цепочке и без колебаний признавали своих лучших. Он потерял счет тому, сколько драконов пытались бросить ему вызов. Эти подпрыгнувшие ящерицы, казалось, думали, что смогут победить его, если просто соберутся в большем количестве.

Конечно, у них не было шансов. Это была базовая математика. Тысячу раз ноль все равно был нулем.

С другой стороны, селезни были вкусными. Ах, чего бы он не отдал за того, чтобы милый селезень пришел и затеял драку. Ему действительно не помешала бы на ужин стая морских змеев. У них была замечательная соленость, которой не хватало другим селезням, а их чешуя тоже была красивой и хрустящей. Ну что ж. Возможно, он посетит побережье позже. Там наверняка было по крайней мере несколько глупых селезней, которых он мог бы съесть.

Четвертая и последняя виверна была единственной, достаточно глупой, чтобы бросить ему вызов. К ужасу наездника, зверь издал пронзительный, пронзительный крик и нырнул к нему. Зверь был храбрым, хотя и невероятно глупым. Думвинг ухмыльнулся и открыл рот. Зачем искать закуску, когда закуска уже пришла к нему? Мгновение спустя его челюсти сомкнулись, раздавив и виверну, и ее наездника. Как и все драконы, Крыло Рока поглощало не только плоть, но и металл. Виверна и ее наездник были всего лишь куском, а куски металла, считавшиеся доспехами и оружием, были безвкусными и безвкусными. Обычная сталь с оттенком магии, не выше второго порядка.

Продолжая путь к месту, где, согласно воспоминаниям Джарода, находилась столица, Думворк почувствовал знакомую полосу силы. Он издал тихий грохот, а затем решил изменить курс. Столица все еще будет там позже, и эта власть вполне может оказаться полезной для фермеров на его территории. Он повернул на юг и приземлился возле комплекса заброшенных зданий. Судя по их внешнему виду, они пришли в упадок и не получали никакого настоящего ухода, по крайней мере, в течение нескольких столетий.

Сила, которую он почувствовал, была дальше, и он просто двинулся вперед, прокладывая себе путь сквозь разрушающиеся заброшенные здания, пока не достиг внутреннего святилища комплекса. Там, позолоченное слабым изумрудным светом, стояло дерево. Это было большое дерево, высокое и толстое, в котором кипела жизнь. Семьи злобных енотов пристально смотрели на него, а группы белок выходили и трясли ему лапками. Он усмехнулся. Как забавно. Еноты и белки этой эпохи проявили больше смелости, чем люди. Элерион смеялся бы так, что едва мог дышать.

Изумрудный свет на дереве слился в человекоподобную фигуру перед ним.

«Прошло много времени с тех пор, как я встречал дочь Материнского Древа», — прогремел Думворк.

Дриада посмотрела на него. Человек мог бы этого не заметить, но он мог видеть небольшие признаки страха, который она не могла контролировать, и чувствовать едва скрытый ужас внутри нее. И все же она стояла, решительная, несмотря на полное неравенство в силах, больше беспокоясь о том, что он может сделать с животными, которые жили в ее ветвях, чем о легкости, с которой он мог уничтожить ее. Это было достойно похвалы, и он снова сел на корточки, больше не маяча, а развалившись. Она слегка расслабилась и откашлялась. Как и у большинства представителей ее вида, ее кожа представляла собой сочетание зеленого и коричневого, а глаза напоминали ему свежий сок, добываемый из кленовых деревьев на севере.

— Какое тебе дело до меня, дракон? — спросила дриада.

«Мне любопытно, как ты оказался в человеческих землях», — ответил Думвинг. «Ты не просто дриада. Ты дочь Древа-Матери, и я никогда не видел подобной тебе за пределами земель эльфов».

«Что ты знаешь о Материнском Древе?» — спросила дриада.

«Я знаю много». На мгновение Думвинг погрузился в свои воспоминания. «Я играла в ее ветвях, когда была еще птенцом, но даже тогда она была такой высокой, что казалось, будто ее ветви держали звезды и убаюкивали солнце и луну. Она дарила мне плоды со своих ветвей и гладила меня. Мои весы, когда я был утомлен и мои родители были далеко. Я знал ее, маленькое деревце, и я был там, когда она умерла».

Это повествование, украденное со своего законного места, не предназначено для размещения

на Amazon; сообщать о любых наблюдениях.

«Драконий огонь!» — прошипела дриада. «Сожжены дотла вашими сородичами!» Слезы защипали ее глаза и потекли по щекам грустными зеленоватыми реками. «Я знаю это, хотя семья, породившее меня, долго дремало, проснувшись лишь тогда, когда умолкла песня Шестой Катастрофы. Но ее воспоминания находятся во мне, передаваясь, как и всем ее дочерям».

Долгое время Думвинг молчал. Он не видел дриаду. Он увидел ее мать. Он видел, как она настаивала на том, что была права до конца, умоляя его попытаться понять, увидеть, что все будет лучше, если он и другие драконы просто перестанут сражаться и согласятся с ее планами. Она произнесла эти слова, стоя на вершине горы мертвых эльфов, лесных жителей, настолько преданных ей, что они не отступили даже перед лицом драконьего огня, а вместо этого решили встать и сражаться против всех свободных народов мира. мир, пока их некогда славная империя не превратилась в пепел и руины.

И все же, даже в ту последнюю ночь эльфы сражались. Они умерли в таком большом количестве, что даже в конце Шестой Эпохи им так и не удалось по-настоящему восстановиться. Но они были великолепны. Он бы дал им это. Никогда ни до, ни после ни один дождь не угрожал пронзить его чешую, но эльфийских стрел было много, и магия, вплетенная в них, была великолепна. Они убивали драконов еще тогда, когда драконы еще были сильны, и не отвернулись, какой бы безнадежной ни была битва.

Материнское Древо было их прародиной, и именно она заботилась и питала их всю жизнь. Умереть, защищая ее, было честью, и Думворк даровал ее многим в тот мрачный день.

А затем Материнское Древо сгорело, опаленное драконьим огнём и взорванное магией, разорвано на части и развеяно по ветру бурей пепла и углей. В момент смерти она выпустила свои семена, и те немногие эльфы, которым не было поручено защищать ее, забрали эти семена и сбежали. Эти семена дали начало великим лесам более поздних эпох, и эльфы заново построили свою жизнь вокруг них. Он пытался поговорить с некоторыми из них, но они знали его лицо и его огонь, и поэтому не хотели говорить. Но он не был бессмысленным зверем. Пока они не следовали путем своей матери, у них не было причин бояться его.

И он все еще помнил дни, когда самое старое дерево предлагало ему плоды и гладило его чешую. Его родители научили его всему, что должен знать дракон, но драконы не знали ни милосердия, ни утешения, ни сотни других вещей. Это были слабости, а дракон должен быть сильным. Он не научился этому от Материнского Древа. Тогда он был слишком молод и слишком упрям. Но она все-таки показала ему их, и если бы не она, то, может быть, он вообще никогда бы их не выучил.

«Ты сожжешь меня дотла, как сжег мою мать?» — спросила дриада.

«Нет, если ты не дашь мне повод», — сказал Думворинг наконец. — Говори. Как ты оказался здесь?

«Я не знаю. Думаю, мое семья принесли эльфы, но с ними постигло какое-то несчастье. И все

же судьба привела меня в достойные руки. Мое семя было найдено королем Алтариусом вскоре после того, как затихла Шестая Катастрофа. Он узнал кем я был, и привел меня сюда». Взгляд дриады отдалился. «Тогда, дракон, здесь были поля, поля, насколько могли видеть мои глаза. Люди были счастливы, а почва была богатой».

«Здесь больше нет полей», — ответил Думворк. «Только сорняки. А почва сухая и безжизненная. Что случилось?»

«Алтарий был хорошим королем», — сказала дриада. «И его сын тоже. Но сын после этого был посредственным королем, а тот, что после этого, был еще хуже. Рост их урожая превысил даже мои силы. Я предостерег их от этого. Когда поля высохли и почва превратилась в пыль, они проклинали меня и оставили это место гнить. Я думаю, они сожгли бы меня, но они боялись меня настолько, что оставили меня в покое».

«Очевидно, они не прислушались к вашему совету».

«И сейчас здесь так мало что растет, кроме сорняков». Дриада кивнула животным на своем дереве. «Тогда их было много. Это все, что осталось, и я не знаю, как долго я смогу их выдерживать. Земля здесь больше не предназначена для таких, как я».

«Король, который нашел тебя, этот Алтарий, кто был его отцом?» — спросил Думвинг, уже зная ответ, но желая получить его подтверждение.

«Его отцом был последний Верховный король, Элерион Доблестный, по крайней мере, он так говорил».

"Я понимаю." Думвинг знал Алтариуса. Он был хорошим человеком и имел собственного сына. Элерион любил всех своих детей, но Алтарий занимал особое место в его сердце. Мальчик родился болезненным, но выжил и преуспел, вырос и стал сыном, которым мог бы гордиться любой мужчина. Было приятно осознавать, что он был хорошим королем, хотя его потомки оставляли желать лучшего. «Значит, короли этой страны — его потомки?»

"Да."

«Неужели все они дураки?» — спросил Думвинг. «Неужели кровь Верховного Короля настолько ослабла, что ни один из них не достоин титула короля?»

«Нынешний король — дурак, по крайней мере, так мне говорят птицы, которые посещают меня. Однако говорят, что у него есть мудрый младший брат, и именно он удерживает королевство от падения под тяжестью королевской власти. Говорят, что старшая дочь короля больше похожа на своих предков, чем на отца, так что, возможно, надежда на королевство еще есть». Гнев дриады, казалось, утих, как угли в костре, готовящиеся к долгой ночи. — Что теперь, дракон?

«Теперь... я делаю тебе предложение». Думвинг поднялся с корточек. «Твоя мать была моим другом, несмотря на все, что я помог сразить ее. Если ты останешься здесь, ты умрешь. Возможно, не на столетие, возможно, даже не на два столетия, но ты умрешь. Испробованная магия отравила это место, и у тебя нет ни умения, ни силы, чтобы исправить это. Если бы ты был старше, возможно, но ты молод для дриады». Думворинг широко расправил крылья, словно собираясь нести на своих плечах всю тяжесть неба. «Хотела бы ты снова оказаться среди полей, дриада?»

«Я бы хотел, дракон. Но у тебя есть?»

«У меня их много», — ответил Думвинг. «И за ними ухаживают добрые люди. Если хочешь, я отвезу тебя на земли, на которые претендую. Я посажу тебя в плодородную почву, и ты снова окажешься среди полей. Люди там — простые сельские жители и фермеры. У них нет жадных, цепких рук недостойных королей. Им понравятся дары, которые вы дарите, и они будут беречь и защищать вас».

"Как я могу доверять тебе?" — тихо спросила дриада. «Ты убил мою мать. Ты мог убить меня даже одной мыслью».

Думвинг глубоко вздохнул. «Какая мне нужда в мелких проделках и обмане низших существ? Я Крыло Рока, дракон Первой Эпохи. Я не похож на слабых и трусливых драконов последующих Веков. Я тот, кем должны были быть драконы, и мои слова - истина. Я не даю клятв легкомысленно, но я не нарушаю тех, что даю. Если вы поклянетесь помогать мне в моих начинаниях и тем, кто мне служит, то мои когти, мои зубы и мой огонь защитят вас !" Он понизил голос. «Твоя мать была добра ко мне, а немногие действительно оказывают доброту драконам. Я бы отплатил за эту доброту, по крайней мере, в такой маленькой степени».

«Как... как ты привезешь меня в свои земли?» — спросила дриада.

Думвинг усмехнулся. «Я длиной в милю, дриада, и я владею магией, которую неуклюжие фокусники этой Эпохи не могли и надеяться понять. Безопасная транспортировка тебя в мои земли не будет проблемой».

"И им?" Дриада оглянулась на животных в своих ветвях.

«Моя защита будет распространена и на тех, кто полагается на тебя».

«Тогда...» Дриада глубоко вздохнула. «Тогда я принесу тебе клятву».

"Хороший." Думвинг остановился, когда ему пришла в голову мысль. — Как тебя зовут, дриада?

— Ты спрашиваешь это только сейчас? Она усмехнулась. «Дафна. Меня зовут Дафна».